

Михаил Квадратов

Тени брошенных вещей

Серия «Мантры нефритового
кролика»

Михаил Квадратов

Тени брошенных вещей

«Издательские решения»

Квадратов М.

Тени брошенных вещей / М. Квадратов — «Издательские решения»,

«Тени брошенных вещей» — третья книга стихотворений московского поэта и прозаика Михаила Квадратова. Книга вышла спустя десять лет после появления второго поэтического сборника.

Содержание

действительности не было и нет	6
«– открывай, полиция, кто там в доме...»	6
«кому тут нянчиться с тобою...»	7
«году примерно в семьдесят втором...»	8
«Вот и дятла – ласточку Ареса...»	9
«Ближе к обеду над остановкой летела собака —...»	10
«где-то в мире...»	11
рядовой водопьянов	12
«человек идёт за аперитивом и дижестивом...»	13
«нет друзей на земле у жилища кристаллических сфер...»	14
«Дом пропал, закончен карнавал...»	15
для тм	16
«Всех зима заманит и убьёт...»	17
«зима – и целый день глядеть в окошко...»	18
«За стеклом чужие лица...»	19
«Наша избушка тут рядом —...»	20
«Хрустальные сферы крошатся, исчезают...»	21
«среди разлапистой науки...»	22
Паша Ангелина	23
«лопнул стакан голубого стекла...»	24
«вьются тучи бьётся пыль...»	25
«ну, кому какое дело —...»	26
«дурачок болеет старенький...»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Тени брошенных вещей
Серия «Мантры нефритового кролика»
Михаил Квадратов

© Михаил Квадратов, 2016

Редактор Константин Лебедев

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

действительности не было и нет

«– открывай, полиция, кто там в доме...»

– открывай, полиция, кто там в доме
– кто в доме, кто в доме – в доме гномы
есть какие-то ещё, но мы не знакомы
вот же, сволочи, приходят среди ночи
барабан заклеен противотабачным скотчем
костяные дудки из съеденных животных
в основном скелеты, но несколько плотных
палки, верёвки, пелерины на вате
– нет, не откроем – давайте, поджигайте

«КОМУ ТУТ НЯНЧИТЬСЯ С ТОБОЮ...»

кому тут нянчиться с тобою
здесь небо борется с землёю
и посредине всей фигни
похрустывают дни твои
так фэзэушник недалёкой
среди нелепого урока
тихонько в маленьких тисках
сжимает майского жука

«году примерно в семьдесят втором...»

году примерно в семьдесят втором
стояла яркая грибная осень
с соседями отправились искать грибы
на пригородном из пяти вагонов
в восьмом часу до станции бугрыш
когда приехали – увидели толпу;
неподалёку местный почтальон
кричал, что скорый барнаульский сбил кентавра
его разрезало могучим тепловозом;
сейчас, старик циничный, я б съзвzil:
вот, кто-то выдумал поправить демиурга
и разделил-таки животное и человечье
(но как-то всё у вас неаккуратно)
в ту осень, будучи ребёнком, я заметил
что кровь кентавра красная как наша
и было страшно
и взрослые испуганно шептались
и через слёзы ольга львовна объясняла
что это знак отчаянно плохой
(к войне, наверное)

«Вот и дятла – ласточку Ареса...»

Вот и дятла – ласточку Ареса
рано утром понесли из леса...
Отче, Отче, что же ты – проснись,
слышишь: время утекает ввысь.

Поздно думать – сметь или не сметь:
будет тонко ненависть звенеть
в светлых залах, сумрачных прихожих.
Скоро смерть запросится под кожу,

спрячется в подрёберной пещерке,
станет таять острым леденцом —
просто вышел срок... Душе пора за дверку,
за пальто, за окна, за крыльцо;

ночью занесёт её на переправу,
беженку, черницу, юнге фрау,
вот душа разделится с тобой...
Ловкою монтажную иглой

некий господин продёрнет нить
между берегом другим и этим —
будет чуткой уточкой скользить
по озёрам серым на другом рассвете.

«Ближе к обеду над остановкой летела собака —...»

Ближе к обеду над остановкой летела собака —
Собака себе и собака, но любая собака двояка:
Для тех, кто глядит с остановки – она непристойна, преступна —
Горды вымена, остальное, природа её целокупна,
И всё это оттого, что внизу у неё мало меха.
Но собака прилична глазу Того, Кто Всегда Смотрит Сверху.

«где-то в мире...»

где-то в мире
в цокольной квартире
почти сосед условный инвалид
нечасто спит и по ночам глядит
глядит наружу из подземных окон
вверху искрится чёрный волчий кокон
со временем он понимает – это знак
и всё не так

он тих он медленно выходит
идёт искать
в его надписанном фланелевом мешке
латунный молоток игольный циркуль
коробка мела
в углу он видит белую собаку
корзину и пчелу
он замечает дикие народы
его никто не ждёт
он бесполезен для любых людей
ну, может, путает, чего уж —
вон весело гудят пружины и разьёмы
и мир показывает чудные картинки
но как-то так всё...

...а по дороге из солнцево в одинцово
он случайно находит искомое слово
произносит смеётся
не помнит снова

рядовой водопьянов

рядовой водопьянов попал в чей-то каменный сон и спит
в этом каменном сне чернокамень толчёт, уминает мел
рядом камень суровый гранит поедает камень агат
водопьянов сопит – он не очень сюда и хотел
водопьянов не то, что кому-то, чему-то не рад —
просто ему всё равно – кто здесь о чём говорит —
скучает во сне солдат

«человек идёт за аперитивом и дижестивом...»

человек идёт за аперитивом и дижестивом
возвращается с мороза, запирает за собой четыре замка
смерть за ним не успевает – недостаточно суетлива
плохо ещё подготовлена, валенки скользят, шуба велика

смерть подходит к окну – окна низки в намеченном доме
трогает зачем-то стекло, лижет решётку, целует термометр
ей не больно лизать на морозе – язык у неё шерстяной, костяной
ну а ты, дурачок, всё равно будешь мой, будешь мой

«нет друзей на земле у жильца кристаллических сфер...»

нет друзей на земле у жильца кристаллических сфер
только может быть тот, иванов, говорили – из бывших,
потерявшийся пенсионер
он сидит у ручья, что дымится и льётся из чрева горячего
теплоэлектростанции
там невольники стройки и рынка с утра моют тело, полощут бельё,
размягчают сандалии

а приятель второй – на коне-альбиносе куда-то летит, некрылатый
выше самой высокой трубы за заборами тэц-двадцать пятой
третий – в светлой пещерке невидимый друг
зверь-бурундук

«Дом пропал, закончен карнавал...»

Дом пропал, закончен карнавал,
Дымно, разноцветный воздух вышел.
Мумии чужие сушатся на крыше —
Ране ангел летний ночевал.

Ах, зачем терпеть небагодать —
Мы бы этот дом давно продали,
Да у нас Орфей сидит в подвале
И никак не хочет вылезать.

ДЛЯ ТМ

тихие песни фавна
на чердаке медленный цокот копыт
плакала николавна
может быть страшно, может чего-то болит
чашку живой воды на чайник, столько же мёртвой
холодно, в городе враг, может быть кто-то ещё
не закрывай глаза, ящерица из торта
выпрыгнет на плечо

«Всех зима заманит и убьёт...»

Всех зима заманит и убьёт.
К вечеру замёрз тритон в фонтане
вместе с мотыльком, листьями и цветами.
Улетела птица-кривоногот.

Все ушли. Но, втянут пустотой,
по дорожке в привокзальном парке
мчится, мчится оборотень жаркий
в белой шубке с искрой золотой.

«ЗИМА – И ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ ГЛЯДЕТЬ В ОКОШКО...»

зима – и целый день глядеть в окошко;
и рацию в сиреневых сапожках

бежит, как водится, в подпольный лазарет
по шаткой лестнице, гляди – сорвётся – нет!

он жмурится, он лечится от чисел,
и кто-то розовый толчёт лечебный бисер,

закручивает вечную спираль —
бедняк визжит, но мне его не жаль.

я в даль гляжу – а там на троттуаре
навязчивый мороз – в искристом пеньюаре

согражданам грозит ледом и леденцами,
над ухом клацает железными щипцами,

кусаются, скрипит, целует в тёплый лоб
и машет мне рукой (проклятый термофоб)

«За стеклом чужие лица...»

За стеклом чужие лица,
Но шипит и веселится
Земляничный газ
В комнате у нас.

Будто шепчет: помечтаем,
Чем утешимся за краем,
Но не на земле —
Там, в стране Ойле.

«Наша избушка тут рядом —...»

Наша избушка тут рядом —
К лесу передом, к лесу задом.
Сборщики волчьих ягод
К вечеру выйдут из леса, на лавки лягут:
Не до глупостей – до утра отдыхают.
Длится в любимом глинистом крае
Битва за урожай.
Тоже давай.

«Хрустальные сферы крошатся, исчезают...»

Хрустальные сферы крошатся, исчезают;
Особенно третья, пятая и седьмая.
С неба летит таинственное стекло:
Вчера увернулись – вроде опять повезло.

Ещё отчего-то земная ось подгнивает —
За теплотрассой у брошенного сарая
Вбок торчит столбнячным ржавым гвоздём.
Нынче точно туда гулять не пойдём.

«среди разлапистой науки...»

среди разлапистой науки
резвится дервиш леворукий
пружиной скрутится – заводится курок
натравят дворника – кидается без ног
без рук без головы по шаткому мосту
и улетает в пустоту

Паша Ангелина

Паша Ангелина
Летала на велике.
Малиновый шарфик по ветру,
Мелькают гетры.
Напевает, весёлая,
Над лесами и сёлами.

Ах, Паша, Паша,
У нас здесь страшно,
Не приземляйся, не надо.

Не слушала Паша,
Вернулась. Обидели, гады.

«ЛОПНУЛ СТАКАН ГОЛУБОГО СТЕКЛА...»

лопнул стакан голубого стекла
воют осколки над головою
веточкой чайной, мёртвой пчелою
в небе запутался аэроплан

эй, авиатор, это – война
бьются мои флора и фауна
за каланчовкой – чёрная рана
фанни каплан воскрешена!

«ВЬЮТСЯ ТУЧИ БЬЁТСЯ ПЫЛЬ...»

вьются тучи бьётся пыль
мчится реанимобиль
по заезженному полю
злое сердце прокололи
наши добрые слова
сам виноват

«ну, кому какое дело —...»

ну, кому какое дело —
сердце бедное болело
ни проверить, ни помочь —
после наступила ночь —
поутру они проснулись —
со двора пришёл анубис
настоящий полупёс
сердце глупое унёс

«дурачок болеет старенький...»

дурачок болеет старенький
умолкает, опять напевает, тихо тает
пчёлы, бабочки слетаются
старый путает цвета, смешно называет
(помнишь, были его пальцы стальные
близко горло твоё – потом ещё ближе)
стали пальчики теперь карамельные

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.